

Стянув с разомлевших малышей одежду — те спали буквально на ходу, — Ван Сюань решил их не купать. Оставил в одних трусиках, обтер сонные личики теплым полотенцем и уложил спать.

— Утром помоются. Сонные совсем, если будить насильно — только разгуляются.

Вообще-то у каждого была своя комната, но в раннем детстве они то и дело прибегали под бок к папам или спали под присмотром няни. Теперь же, когда на носу был первый класс, пришла пора привыкать к самостоятельности — спать каждому у себя.

Приняв душ, мужчины улеглись в постель и неторопливо заговорили.

— Давно я так не бегал, за молодежью уже не поспеваю, — вздохнул Гоудань. — Похоже, придется мне на какое-то время прописаться в тренажерном зале.

— Сколько раз я говорил тебе: двигайся больше? — мягко упрекнул его Ван Сюань. — А ты всё время отдаешь то работе, то детям. Они ведь уже выросли. Заметил сегодня? Вся эта их беспомощность — чистая привычка. На самом деле они прекрасно всё соображают и способны делать сами или, на худой конец, попросить прислугу, а не дергать нас по мелочам. Скоро семь лет — возраст вполне сознательный. Мы в эти годы всю соображали, где бы еды раздобыть, чтобы с голоду не умереть.

— Ну, времена-то изменились, глупо мерять по нашему детству. Нам тогда тяжело приходилось, деваться было некуда. К тому же, разве не говорят, что дочерей нужно растить в нежности и холить?

— Пустые слова, которые только калечат детей, — отрезал Ван Сюань. — Что значит «холить и лелеять»? Вырастить изнеженную белоручку? Одно дело — развивать ум, учить музыке и живописи. Но потакать во всем, ограждать от любых трудностей и растить тепличное создание, не знающее жизни, — это преступление перед собственным ребенком. Какая разница, сын или дочь? Зачем делить их? Это либо вера в извечную женскую слабость, либо умысел нерадивых родителей, мечтающих вырастить смазливую пустышку, неспособную выжить без чужого плеча, чтобы повыгоднее сбыть её какому-нибудь богатею.

— Нам такие дети не нужны. Будь то сын или дочь, пусть лучше вырастут волками, чем изнеженными цветами. Да, такие цветы радуют глаз своей хрупкостью и послушанием, но вырастить их инфантильными и наивными — сущий кошмар. И для нас, и для них самих в будущем.

— Бог с ними, с талантами, но если у человека нет ни стержня, ни умения смотреть вперед, он обречен.

— Да я просто к слову... — примирительно отозвался Гоудань.

— Понимаю, — согласился Ван Сюань. — Я и сам не желаю им участи глупых птенцов. Как они иначе проложат себе дорогу?

— Вот и отлично. Начиная с завтрашнего дня отпусти вожжи. Следи краем глаза, направляй, но не более. Мы дали им чудесное детство, внимания и заботы они получили сполна, так что душевные травмы им точно не грозят, не переживай. — С точки зрения Гоуданя, дети ни в чем не знали нужды, обуты-одеты, капризы их исполнялись — о каких обидах вообще может идти речь?

Но Ван Сюань вечно толковал о чуткости, о том, что в воспитание нужно вкладывать душу и всё в таком духе. Конечно, тройняшки были очаровательны, и возня с ними помогала разгрузить голову после тяжелого дня, но отцовство ведь не должно занимать всё их время?

— Ребята выросли, пора перестать опекать их по любому поводу. В конце концов, у нас полный дом прислуги. Помнишь, мы планировали нанять им личных помощников? В следующем году, когда закончатся контракты у нянь, продлевать их не станем. Оставим только тех, кто занимается уборкой и готовкой — тетушку Цзян и остальных, а заботу о детях поручим ассистентам.

— Заодно и ты освободишься, сможешь вплотную заняться развитием своих клиник. Экономика в стране сейчас на подъеме, всё меняется стремительно. Твои центры матери и ребенка уже вовсю копируют конкуренты. Если сейчас не поторопиться и не застолбить за собой рынок, в других мегаполисах мы упустим первенство.

— Согласен. Тогда давай сначала найдем помощника для Бэйшэна. Мальчишку за последний месяц эти трое совсем заездили. На носу девятый класс, учеба сейчас важнее всего, пусть рутинной занимается кто-то другой.

Гоудань ненадолго задумался:

— Пусть так. Но с условием: ассистент лишь выполняет поручения, а все решения Бэйшэн принимает сам. Перекидывать на чужие плечи заботы о собственной жизни я ему не позволю.

— Я знаю меру, — отозвался Ван Сюань.

На этом мужчины и сошлись, определив, как будет устроена дальнейшая жизнь их большой семьи.

Уже со следующего утра дети почуяли неладное. Папы — для Бэйшэна они были старшими братьями — изменились, начали вести себя как-то чудно. Если кто-то из ребят допоздна засиживался за играми или капризничал в постели, никто больше не стоял над душой и не уговаривал подняться. Зато тех, кто проспал, ждал суровый урок: завтрак со стола убирали, няням готовить для опоздавших запрещалось, а в холодильнике не оставалось ни единого готового кусочка.

Читать книги тоже насильно больше никто не заставлял. Им просто вручили бланки расписания: планируйте день сами. Составите глупо — план не утвердят. Напишете, но поленитесь выполнить — что ж, извольте расплатиться карманными деньгами или любимыми игрушками.

Объяснили это просто: тройняшкам скоро в школу, их юному дяде — в девятый класс. Все они уже не младенцы, пора бы научиться обслуживать себя самим. У отцов дел неуворот: содержать такую ораву и оплачивать их учебу — тяжкий труд, так что времени на вечные уговоры больше нет.

Бунтовать и плакать оказалось делом бесполезным.

На любые жалобы отцы лишь сухо бросали: «Некогда», — и уезжали на работу. Домашний персонал и охрана подчинялись только хозяевам, так что искать у них сочувствия было делом зряшным. Своих мобильных у тройняшек еще не водилось, и бедной детворе оставалось только канючить и умолять дядю Бэйшэна заказать им какую-нибудь еду с доставкой.

Дальше — хуже. Родители начали уезжать в разъезды на целые недели, и до них невозможно было дозвониться. Повариха на кухне исправно готовила завтраки, обеды и ужины строго по часам, но будить сонь и отправлять их спать по вечерам никто не думал. Поначалу ребятам казалось, что наступил рай земной. Несколько дней они гуляли напропалую, буквально стоя на ушах.

Однако недели через две лафа закончилась. Юный дядя Бэйшэн так увлекся играми в кабине виртуальной реальности, что завалил собственный план на день, за что тут же лишился карманных денег. Из-за вечных посиделок допоздна его личные сбережения быстро растаяли на заказах еды для проспавших племянников, и кошелек окончательно опустел.

Голодные племянники выволокли сонного Бэйшэна из постели, требуя спасти их от голодной смерти. Пришлось бедному дяде топать на кухню и сооружать лапшу на скорую руку. Вышло жуткое варево, но голод — не тетка, умили за милую душу. После этого кулинарного фиаско Бэйшэн понял: деваться некуда. Пришлось волей-неволей подниматься ни свет ни заря, расталкивать троих сорванцов, гнать их в ванную и строем вести к столу, пока повариха не убрала завтрак.

Но отцов по-прежнему не было видно. В детские души закралась тоскливая мысль: неужели их бросили насовсем?

Разумеется, никто их не бросал. Гоудань и Ван Сюань ежедневно получали подробные отчеты обо всех злоключениях домашней банды.

Спустя еще несколько дней сорванцы окончательно смирились и начали безропотно ложиться и вставать по часам — оставаться без обеда никому не хотелось. По сути, они просто вернулись к тому распорядку, к которому их приучали с пеленок. Стоило родителям на миг отпустить поводья, как детвора тут же почуяла волю и пустилась во все тяжкие, но суровая реальность

быстро загнала их обратно в рамки порядка.

Лишь когда пришло время подавать документы в первый класс, Гоудань и Ван Сюань наконец соизволили явиться домой. Дел у них и впрямь было по горло. Особенно у Ван Сюаня: прежде он ради малышей сдерживал деловую хватку и старался не покидать столицу, но теперь, со спокойным сердцем ослабив опеку, превратился в настоящего вечного пассажира, мотаясь по делам клиник по всей стране.

— Папа, папочка! Вы наконец-то приехали!

— Приехали, — с улыбкой отозвался Ван Сюань, оглядывая притихшую троицу. — Ну что, весело вам тут без нас жилось?

Чжэньчжэнь обиженно надула губки:

— Вообще невесело! Мне приходится самой заправлять постель, самой одеваться и складывать грязные вещи в корзину. А когда ко мне приходят гости, няня больше и пальцем не пошевелит, чтобы помочь! Мне... мне приходится самой всё делать!

— А как ты хотела? Друзья-то твои, верно? Так что няня поступила совершенно правильно.

— Папа, а у меня пистолет потерялся! — тут же подсуетился Чэншань, протискиваясь поближе и заглядывая отцу в глаза. — Можно мне новый купить?

— Вот как? И куда же он делся?

— Мы с Хуэйхуэй играли-играли... а потом он как-то сам собой куда-то запропастился.

— Без проблем, покупай. На свои карманные деньги — папа возражать не станет, — улыбнулся Ван Сюань.

Чэншань уныло принялся теребить край футболки. Все его сбережения до копейки ушли дяде Бэйшэну на оплату тайных доставок еды. Ведь когда мальчик просыпал или воротил нос от домашнего обеда, повариха наотрез отказывалась готовить для него отдельно. Приходилось тратиться на доставку из ресторанов, так что его личная касса давно пустовала.

Жалобы и просьбы посыпались из детей как из рога изобилия.

— Всё это очень важно, но мы с вашим отцом только с дороги и ужасно устали, — вздохнул Ван Сюань, потирая ноющие виски.

Тройняшки переглянулись, и глаза их загорелись:

— Папа, папочка! Мы вам сейчас массаж сделаем! Разомнем хорошенько, усталость мигом пройдет!

Малыши дружно накинулись на родителей. Крошечные ручонки скорее щипали и колотили взрослых, чем массировали, но отцы стойко терпели экзекуцию, даже не поморщившись. Приняв эту неуклюжую детскую «заботу», они выпили принесенную воду и с удовольствием съели заботливо вымытые фрукты.

— Ну вот, совсем взрослые стали, научились заботиться о папах, — тепло улыбнулся Ван Сюань. — Мы вами очень гордимся.

Заслышав похвалу, тройняшки расцвели от гордости. А довольные родители тем временем поднялись на второй этаж, сославшись на необходимость отдохнуть с дороги.

Постойте-ка...

«А как же наши просьбы?! Нам разрешат купить игрушки или нет?!»

Наблюдавший за этой сценой Бэйшэн едва сдерживал хохот. На самом деле, хоть он в эти недели тоже вроде как попал под раздачу, парень прекрасно понимал замысел братьев. Он дурака валял вовсе не от глупости. Бэйшэн отлично знал, что пара недель лени и компьютерных игр никак не повредят его будущему — чай, не маленький ребенок, голову на плечах имеет, отличает хорошее от дурного и на кривую дорожку не свернет.

Именно поэтому он охотно подыгрывал братьям в их затее, которую сам про себя называл дружеским розыгрышем. Глупо было думать, будто старшие не знают, какой кавардак творится в доме в их отсутствие.

Вот он и развлекался как мог, попутно оторвавшись в любимой виртуалке на год вперед.

Судя по всему, вольготная жизнь у тройняшек закончилась. Кажется, старшие братья пришли к какому-то негласному соглашению.

Прямо как у него самого в детстве. Класа до третьего он жил припеваючи, не зная забот — настоящее беззаботное детство. А потом старшие взяли за него точно так же, как сейчас берутся за племянников. Это был их фирменный, мягкий способ заставить детей повзрослеть и научиться самостоятельности.

Каждый Новый год вся их четверка получала горы праздничных конвертов с деньгами — набегало целое состояние. Вот только все эти богатства тут же забирал под расписку старший брат и раскладывал по личным счетам. На руки выдавалась лишь скромная сумма на текущие

расходы. Так что, несмотря на баснословное богатство старших братьев, карманных денег у детворы всегда было впритык.

На что-то действительно нужное можно было попросить прибавку. Но все крупные траты, включая оплату учителей музыки или репетиторов, семья брала на себя напрямую. В итоге личные финансы Бэйшэна были такими же скромными, как и у его обычных одноклассников, и парню частенько приходилось экономить.

Впрочем, лишиться карманных денег он не боялся. Гулять он не ходил, питался дома, так что тратиться было особо не на что. Главное — вовремя являться к столу, пока горячее не убрали. В конце концов, не станут же братья морить его голодом взаправду?

Старшие лишь хотели привить им самостоятельность, чтобы дети умели обходиться без нянек, освоили базовые житейские навыки и привыкли сначала думать своей головой, а уж потом бежать с жалобами к взрослым. Ну и границы дозволенного заодно уяснили.

Ван Сюань подозвал Бэйшэна к себе и спросил напрямую:

— Понимаешь, к чему мы с твоим старшим братом клоним?

— Конечно понимаю, — с улыбкой кивнул тот. Никакой обиды в его голосе не было и в помине.

Ван Сюань мягко улыбнулся. Бэйшэн с малых лет отличался умом и всегда схватывал всё на лету.

И это не было притворством. Бэйшэн вырос на глазах у старших братьев, и даже будь он самым упрямым уловьем на свете, за эти годы волей-неволей перенял бы их житейскую мудрость. Оба они были людьми незаурядными, сумевшими построить огромную империю с нуля, а у таких личностей всегда есть чему поучиться.

— Познакомься, это Сяо Сяо, — Ван Сюань указал на стоявшего рядом молодого человека. — С сегодняшнего дня он твой личный помощник. Мы с братом постоянно в разъездах, у тебя впереди сложный учебный год, да и за тройняшками нужен пригляд. Всеми твоими бытовыми делами теперь будет заниматься Сяо Сяо. Но это не значит, что мы умываем руки. Если возникнут серьезные трудности, сразу же говори нам.

— Я всё понял, — кивнул Бэйшэн.

Грех было жаловаться: его жизнь всегда текла мирно и благополучно. В школе ребята без конца ругали своих родителей за вечные придирки и деспотизм, а вот его старшие братья всегда отличались редким пониманием и относились к нему с уважением, давая право выбора.